

А. Д. Васильев
Красноярск, Россия

СВОИ И ЧУЖИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОГРАММЫ «ПРЯМАЯ ЛИНИЯ С ВЛАДИМИРОМ ПУТИНЫМ» (2014 Г.)

АННОТАЦИЯ. Введение новых фактических источников в научно-лингвистический оборот неизменно актуально, поскольку обогащает представления о возможностях употребления языковых ресурсов. К числу таких источников можно отнести тексты недавно появившихся российских телепередач в жанре «прямая линия», и прежде всего оформленных подобным образом публичных диалогов с президентом РФ.

В данной статье в качестве исходного материала рассматривается текст передачи «Прямая линия с Владимиром Путиным» от 17 апреля 2014 г. Особое внимание уделяется тем его фрагментам, в которых в составе микродиалогов между участниками программы и главой государства вербализуется универсальная семиотическая оппозиция «свой»/«чужой», исконно способная к вариативной реализации в словесных формах.

Для анализа были избраны в основном эпизоды указанного речекоммуникативного акта, содержащие элементы полемики с президентом со стороны представителей так называемой российской «внесистемной оппозиции», т. е. лиц, отторгающих политику государства чуть ли не во всех сферах его деятельности и стремящихся непарламентским путем утвердить собственные ценности в качестве обязательных для всего социума. В роли таковых здесь выступают И. Хакамада, И. Прохорова и К. Ремчуков.

Несмотря на естественные различия в вербальных выражениях их позиций, названные политкоммуниканты вполне единодушны, по-видимому, в главном, а именно — в конфликтивных интенциях их высказываний. Если суммировать, то они представляют собой инвективы в адрес существующей власти по разным поводам. Это обвинения в информационной войне, якобы ведущейся против «интеллигентных» оппонентов государства; в вымыселенных гонениях на фигурантов современной культуры — и саму ее в целом; в преследовании средств массовой информации, чьи позиции не угодны властям предержащим.

В свою очередь, В. Путин предстает перед аудиторией, судя по его ответам, как умелый полемист, достаточно четко учитывающий дифференциацию социума на «своих» и «чужих», однако выражающий собственные суждения строго аргументированно и в эмоциональном отношении довольно сдержанно.

Особого внимания заслуживает ответ президента на последний заданный ему вопрос — и отобранный, по его словам, лично им. Здесь содержатся мнения главы государства по поводу русского национального менталитета и определяются некоторые его специфические черты.

Анализ данного материала позволяет сделать выводы о вероятно высокой манипулятивной значимости текстов данного жанра, а также о непреходящей актуальности оппозиции «свой»/«чужой».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика; средства массовой информации; оппозиция «свой»/«чужой».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Васильев Александр Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева; адрес: 660060, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89; e-mail: vasileva@kspu.ru; rlc_siberia@kspu.ru.

«Унутренними врагами мы называем всех сопротивляющихся закону».

«Например, кого?...»

— «Так что бунтовщики, студенты, конокрады, жиды и поляки!»

A. И. Куприн

Введение новых фактических источников, особенно — жанрово оригинальных, в научно-лингвистический оборот неизменно актуально. Это позволяет, во-первых, обогатить наши представления о возможностях и ситуативно обусловленных особенностях употребления языковых ресурсов, во-вторых, способствует дальнейшему развитию теории речевой коммуникации, сообщая ему необходимые импульсы.

На протяжении последних примерно 15—20 лет для отечественных лингвистов такими благодатными источниками стали тексты политических выступлений — и прежде всего, конечно, выступлений государственных руководителей и их присных либо выступлений представителей так называемой оппозиции. Заметим, кстати, что сколько-нибудь реальной оппозиции сегодняшней власти в России не существует, по крайней мере, уже лет пятнадцать. Парламентская «оппозиция» играет по преимуществу декоративную роль, выступая формальным признаком демократии; а для тех, кто декларирует себя как «внесистемная оппозиция», главной целью являются вовсе не радикальные изменения сложившихся реалий в

интересах большинства граждан, но прежде всего личный своеокрыстный прорыв к рычагам управления страной (для чего такие деятели не гнушаются даже и обращениями за помощью к иностранным государствам, давним недругам России как таковой, независимо от ее социально-политического устройства).

Тем больший интерес исследователей вызывают те тексты российских правителей, которые манифестируют некие аксиологические ориентиры для их подданных. Конечно, здесь следует сделать необходимые допущения о безусловной искренности адресантов, поскольку из политической и политтехнологической классики хорошо известно: «Излишне говорить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямодушие и неуклонная честность. Однако <...> надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить» [Макиавелли 1993: 291].

Предположим, однако, что высокопоставленные речедеятели непоколебимо сами верят в то, что транслируют населению.

© Васильев А. Д., 2015

Ведь и акты их невербального поведения — это тоже часть политической активности, точнее — формирование желательного имиджа не только для избирателей, но и, так сказать, «на экспорт» (публичная рыбная ловля, управление ракетоносцем, поездка на мотоцикле, выпивание кружки пива, развод с женой и проч.). Однако вербальный акт несет на себе неизменно большую нагрузку в силу имманентной специфики слова (см.: [Васильев 2013: 18—26; Васильев 2010]).

Говоря о функциях языка, на первое место обычно выносят функцию коммуникативную. Но, в некоторое нарушение сложившейся традиции, многие специалисты в последние годы всё более настойчиво называют в качестве первичной манипулятивную функцию языка (см. об этом, напр.: [Кара-Мурза 2002: 84; Бринёв 2005: 158; Секретарёва 2005: 266; Голев 2007: 11; Осипов 2007: 217] и др.). Весьма заметно она проявляется в сфере политической коммуникации — это «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан стран и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2014: 269].

Если вообще разнообразие речевых жанров считают обширным (см. об этом: [Бахтин 1986: 271]), то столь же очевиден значительный диапазон жанров политкоммуникативной направленности, каждый из которых обладает более или менее стереотипными вербальными воплощениями, определяемыми ситуациями и целями общения, интенциями и ролями их участников и проч. Конечно, эта область давно уже не исчерпывается традиционными прямолинейными агитацией и пропагандой и соответствующими им по внешнему облику текстами, но, вследствие развития средств массовой информации и усилий политтехнологов, обогащается за счет внедрения новых видов и способов манифестиций идей, взглядов, позиций, представляющихся адресанту (либо представляемых им) наиболее перспективными для управляемого им социума. В поисках повышения манипулятивного эффекта коммуникативных актов руководителя был изобретен относительно новый для русскоязычной речевой практики жанр — так называемая «прямая линия», проводимая посредством телевидения.

Стóит заметить, что эта новация (как сегодня принято выражаться) заметно отличается от ранее хорошо известных и устоявшихся жанров интервью, пресс-конференции и подобных диалогов (либо их умелых имитаций).

О специфике диалогического общения специалистами сказано уже немало. Вспомним суждения лишь некоторых авторов. Например: «Как форма речи акт высказывания противопоставляет две „фигуры“, равно необходимых, одну — как источник, другую — как цель высказывания. Такова структура диалога. Две фигуры в положении партнеров выступают попарно действующими лицами акта высказывания» [Бенвенист 1973: 316]; «...слушающий, воспринимая и понимая значение (языковое) речи, одновременно занимает по отношению к ней активную ответную по-

зицию <...>. Всякое понимание чревато ответом и в той или иной форме обязательно его порождает: слушающий становится говорящим <...>. Каждое высказывание — это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний <...>. Говорящий кончает свое высказывание, чтобы передать слово другому или дать место место его активному пониманию <...>. Диалог по своей простоте и четкости — классическая форма речевого общения» [Бахтин 1986: 260, 261, 263, 264].

Кроме того, «диалог подразумевает асимметрию, асимметрия же выражается, во-первых, в различии семантической структуры <...> участников диалога и, во-вторых, в попеременной направленности сообщений <...>. ...Участники диалога попеременно переходят с позиции „передачи“ на позицию „приема“ <...>... Необходимо еще одно условие: взаимная заинтересованность участников ситуации в сообщении и способность преодолеть неизбежные семиотические барьеры <...>. Диалогическая ситуация предшествует реальному диалогу» [Потман 1996: 193]. Замечено также, что при любой коммуникации (следовательно, и при диалоге в первую очередь) «каждый из ее участников регулирует свое поведение также и по противоповедению партнера, возможно, и не осознавая этого, ибо оба они широко подвержены влиянию контекста, в котором данное взаимодействие происходит» [Комлев 2003: 176] и пр.

Следует сказать и о том, что, по мнению некоторых лингвистов, в настоящее время в России происходит «постепенная замена господствовавшей многие десятилетия коммуникативной парадигмы монологического типа на коммуникативную парадигму диалогического типа» [Кощей, Чувакин 2006: 137].

Таким образом, жанр «прямая линия» вроде бы укладывается в рамки традиционного диалога, будучи при этом подчиненным сегодняшней тенденции к обретению им приоритетной позиции в иерархии коммуникативных парадигм. А это в значительной мере объясняет актуализацию новообретенного жанра.

С другой же стороны, «прямая линия» как одно из возможных воплощений диалога и его структуры несомненно обладает собственной спецификой (по крайней мере, в модификации российского телевидения, поскольку хорошо известно, что многие его продукты, вроде ток-шоу — «болтовни напоказ», сериалов и проч., являются не чем иным, как адаптированными к местным условиям оригинальными творениями зарубежных массмедиа, а зачастую изготавливаются с их непосредственным участием).

Говоря о функционально-манипулятивной сущности российской «прямой линии», необходимо отметить те ее черты, которые очевидно призваны способствовать повышению пропагандистского эффекта — и здесь, конечно, невозможно обойтись без слова *якобы*.

Итак, в «прямой линии» может участвовать *якобы* любой желающий; имеет место по большей части *якобы* непосредственный вербальный (а иногда — и визуальный) контакт с персонифицированной высшей властью; *якобы* не ограничен тематический диапазон вопросов; обнаруживает-

ся якобы глубочайшая осведомленность главного участника шоу буквально обо всем — зачастую с приведением малоизвестных статистических данных; якобы проявляется задушевное внимание власти к повседневным заботам рядовых граждан; символизируется якобы явное торжество демократии; якобы происходит демонстрация вышеперечисленного всему миру.

Однако же в действительности «прямая линия» — лишь имитация, иллюзия полноценного диалога с властителем. Априорно понятно, что задаваемые гражданами вопросы тщательно отбираются и снабжаются заранее подготовленными ответами; адресаты старательно фильтруются (а вдруг кто-то спросит что-нибудь «не то»?); многочисленный штат координаторов и модераторов внимательно следит за установленной заранее очередностью вопросов. В результате получается добросовестно подготовленный спектакль, продуманный экспромт, по форме представляющий собой комбинацию жанров интервью, пресс-конференции и ток-шоу. Впрочем, можно предположить, что на значительную часть аудитории этот телевизионный продукт производит прогнозируемый эффект, тем более что от года к году всё заметнее трансформируется в некое подобие эстрадной развлекательной программы.

Фактическим материалом для написания настоящей статьи послужил текст диалогической «Прямой линии с Владимиром Путиным» 17 апреля 2014 г. (источник — сайт президента России [Прямая линия с Владимиром Путиным]). В данном случае предметом анализа являются относительно небольшие по объему фрагменты, а именно те, в которых наиболее наглядно реализуются компоненты семиотической оппозиции «свой»/«чужой», которые, как показывает исторический опыт, способны обрести в политической полемике совершенно буквальные и недвусмыслилные воплощения.

1. Предваряя анализ микродиалога между находившейся в студии И. Хакамадой и В. Путиным, следует учесть краткую характеристику, данную первой из них ведущей прямого эфира Т. Столяровой: «...Среди россиян, тех, кто высказался против позиции России в Крыму, их абсолютное меньшинство <...>... Среди этих людей есть известные, есть политики, есть музыканты и актеры <...>... У нас в студии гость Ирина Хакамада».

И. Хакамада: ...нам надо как-то с информационной войной заканчивать. Нельзя так наравливать на людей, которые пытаются интеллигентно оппонировать Вам, все эти штампы <...>... Вы — победитель. Вы действительно провели супероперацию (в Крыму) без единого выстрела <...>. Вы пошли дальше на компромисс как победитель <...>. „Таймс“ Вас называла самым влиятельным политиком в мире <...>. Я считаю, что от Вас — именно от России — сегодня зависит всё <...>. Вопрос у меня к Вам следующий <...>. Европа никогда не решала никакие вопросы. <...> Основной диалог — между нами и Америкой <...>. Есть компромисс — регионализация Украины <...>. Как Вы думаете, может ли Россия предложить такой вариант, при котором этот компромисс между Вами и Америкой будет найден <...>?

В. Путин: Может ли быть найден по украинскому вопросу компромисс между США и Россией? Компромисс должен быть найден не между третьими игроками, а между различными политическими силами внутри самой Украины <...>. Со стороны мы можем это только поддерживать и сопровождать <...>. Вопрос в том, чтобы обеспечить законные права и интересы русских и русскоязычных граждан юго-востока Украины <...> — это все территории, которые были переданы в Украину в 20-е годы советским правительством <...>. Вопрос в гарантиях для этих людей <...>. Вот нам нужно побудить их к тому, чтобы на Украине было найдено решение вопроса, где гарантии <...>.

Весьма многословный вопрос И. Хакамады, по существу, подразделяется на несколько микротем. Во-первых, это призыв к окончанию некоей «информационной войны», с точки зрения адресанта, ведущейся кем-то неназванным против «людей, которые пытаются интеллигентно оппонировать» президенту. Во-вторых — букет комплиментов триумфатору В. Путину, которого И. Хакамада отождествляет со всей Россией в целом; в-третьих — отказ признать за Европой сколько-нибудь значимую роль в событиях на международной арене; наконец, в-четвертых, — собственно вопрос, а точнее, призыв к поискам компромисса между Россией и США по украинской проблеме.

В свою очередь, ответ В. Путина (несколько менее объемный, нежели вопрос И. Хакамады) совершенно игнорирует и наличие «информационной войны», и горестную участь ее невинных жертв — «интеллигентных оппонентов» власти; оставлены без внимания и пышные дифирамбы в адрес президента со стороны «бывшего политика со своим политическим ощущением» (как квалифицирует собственный статус Хакамада). Президент недвусмысленно дает понять, что события на востоке Украины (а эта «Новороссия», как упоминает В. Путин в краткой исторической отсылке, возникла еще в «царские времена» и появилась в составе Украины в результате малообъяснимых с позиции логики действий молодого советского правительства) — это внутреннее дело украинского государства, которое и должно гарантировать законное равноправие своих русских и русскоязычных граждан.

2. Ирина Прохорова представлена в студии К. Клейменовым как «еще одна женщина с яркой позицией», а его коллегой В. Кораблевой — как «Ирина Дмитриевна Прохорова — лидер партии „Гражданская платформа“, главный редактор журнала „Новое литературное обозрение“», хотя гораздо лаконичнее было бы сказать, что она родная сестра олигарха М. Прохорова.

Можно считать формально, что ключевым словом в ее пространном вопросе выступает слово *культура*, употребленное семь раз (и еще — производное *культурный*). Однако суть вопроса И. Прохоровой, как следует из внимательного прочтения этого высказывания, безусловно заключается вовсе не в декларируемой ею трепетной заботе о тревожных судьбах «многонациональной яркой культуры», а совсем в ином.

Здесь (опять же) трижды присутствуют упоминания о «крымских событиях», но это только

удобная для адресанта стартовая позиция. Главные же интенции заключаются в том, что (якобы) лишь в связи с Крымом «неуклонно сокращается бюджет на поддержку культуры и образования», но еще важнее (или даже страшнее) то, что «начинаются гонения на деятелей культуры, которые выражают несколько другую позицию. Начинаются какие-то гонения на современное искусство, которое начинают обвинять во всех мыслимых и немыслимых грехах. Разрабатывается законодательство, которое фактически низводит культуру до служанки идеологии <...>. Это всегда было страшным ударом не только для культуры и образования, это было очень печально для общества». Более того: оказывается, в сегодняшней России существует некий «внутренний раскол, который вносит само общество, что людям, высказывающим какие-то другие позиции, <...> отказывается в звании патриота, людей, думающих о стране, — мне кажется глубоко несправедливо <...>. Это внутреннее ожесточение, которое в обществе возникает <...>, очень часто подпитывается высказываниями политиков некоторых <...>, не лишится ли таким образом Россия статуса великой культурной державы?»

В ответе В. Путина говорится, в частности, о том, что он не чувствует «какого-то особого накала даже в связи с событиями в Крыму и Севастополе. Да, есть борьба мотивов, борьба точек зрения, но их же никто не мешает высказывать, за это же не хватают, не сажают, не упекают никуда в лагеря <...>. Люди, которые высказывают свою точку зрения <...>, слава богу, живы, здоровы, занимаются своей профессиональной деятельностью <...>. То, что они встречают отпор — <...> вы знаете, у нас часть интеллигенции не привыкла просто к этому. Некоторые люди считают, что они говорят, — это истина в последней инстанции <...>, и, когда они что-то видят в ответ и слышат в ответ, это вызывает такую бурную эмоциональную реакцию <...>. Некоторые желают поражения даже своей стране, думают, что так будет лучше <...>. Но мы ни в коем случае не должны скатиться в какие-то крайние формы борьбы <...>, шельмовать людей за их позицию <...>. Я постараюсь сделать всё, чтобы этого не было».

По поводу вопроса И. Прохоровой следует заметить прежде всего, что в нем совершенно отсутствуют какие-либо примеры «гонений на деятелей культуры». Единственное имя, которое здесь упомянуто, — это Жерар Депардье, сделавший, оказывается, потрясающее открытие, «называя [Россию] страной великой культуры», как будто это ранее было никому не известно. Говорится также о «каких-то гонениях на современное искусство» — и опять же не приводится примеров фантомных «гонений». Конечно же, то, что И. Прохорова считает современное российское искусство (а вовсе, скажем, не произведения былых времен) неким эталоном — это вопрос ее личного вкуса, а его вовсе не обязательно навязывать всему обществу. Собственно, об этом сказал В. Путин в своем ответе. В этом же русле — суждения о якобы существующем «внутреннем расколе» («который вносит само общество»), «внутреннем ожесточении, которое в обществе возникает», которые вряд ли являются констатацией

объективной реальности. Это, скорее, плод чрезмерно политизированного и экзальтированного воображения Прохоровой.

Что же касается тезиса о скорейшем превращении «культуры в служанку идеологии», то весьма сомнительно, чтобы между этими феноменами социального бытия возможно было бы провести абсолютно четкий водораздел.

Ответ В. Путина не оставляет сомнений: ему удалось точно определить вектор устремлений И. Прохоровой. Совсем не случайно в этом ответе отсутствует слово «культура». Очень сдержанно сказано о том, что некоторые сограждане пытаются выступать в роли оракулов, для которых имеется единственное правильное мнение, то есть свое, а любое другое не имеет никакого права на существование. Такая большевистская по жесткой неуклонности и самоуверенности позиция хорошо известна и по совсем недавнему прошлому: «...последние годы перестройки показывают, что именно радикалы зачастую лишают своих оппонентов права на „инакомыслие“, а жесткие возгласы с пеной у рта на иных ультрапрестроечных митингах слишком похожи на уже известный человечеству призыв толпы: „Распни его!“» [Горбаневский 1991: 186].

3. Вопрос К. Ремчукова, главного редактора «Независимой газеты», и по форме, и по объему текста также представляет собою довольно развернутое выступление. Кратко оно может быть передано так: *Я принадлежу к той группе россиян <...>, которые считают, что нормальные отношения с Западом выгодны и России, и гражданам <...>. Произошла такая поляризация в обществе, в том числе и по крымскому вопросу: „свой — чужой“, „наш — не наш“, „черное — белое“, „патриот — либерал“ <...>. Есть ощущение сужающегося пространства. К СМИ относятся как чуть ли не к самому главному источнику бед <...>. Отключают телеканалы, потому что не нравится, допустим, тональность <...>. Вы и сейчас сказали <...> про большинство, ориентироваться на большинство, но <...> XXI век — это век качественной дискуссии, это не просто взять нахрапом, большинством, улюлюканием, а содержательно разобраться. Собственно вопрос цитируемого персонажа таков: ... Вам как Президенту страны обязательно нужен такой общенародный консенсус для того, чтобы Вы проводили свою политику, или Вам нужно большинство, чтобы Вы проводили свою линию, давая дышать и жить другим, в том числе и альтернативным жанрам СМИ?*

В ответе В. Путина говорится (буквально) следующее: *Мы будем ориентироваться на мнение большинства и строить свою политику, исходя из их интересов, но, конечно, мы должны слышать и любую другую точку зрения, даже если она представлена меньшинством <...>. Мы хотим хороших отношений (с Западом), но мы просто не можем позволить, чтобы кто-то всегда спекулировал на том, что мы за это хорошее отношение к нам постоянно должны уступать свои интересы, постоянно отдвигаться — отодвигаться <...>. Но это же невозможно <...>, и в данном случае нас подогнали к какой-то черте, за которую мы уже не могли отступить...*

Как видим, К. Ремчуков продолжает выступления И. Хакамады, которая говорила о какой-то «информационной войне» против людей, которые пытаются «интеллигентно оппонировать» президенту (кстати, отсюда вытекает, что не разделяющие их взгляды попросту не интеллигентны), и И. Прохоровой, по мнению которой в России обнаруживаются «внутренний раскол» и «внутреннее ожесточение». В формулировке Ремчукова — «произошла поляризация в обществе», что здесь же кратко выражено универсальной семиотической оппозицией «свой — чужой». За исключением этой декларации общий смысл вопроса данного рече-деятеля не вполне прозрачен. Президент, отвечая на буквально предыдущий вопрос, заданный другим участником программы по поводу либеральной оппозиции, уже четко объяснил: «Мы должны, конечно, ориентироваться на мнение большинства и исходя из этого мнения принимать решения <...>, но никогда не забывать про мнение тех людей, которые остаются в меньшинстве». Кроме того, упомянутый Ремчуковым «общенародный консенсус» представляется достижимым лишь в таком государстве, которое в пропагандистской риторике, являющейся важнейшим компонентом подлинной, а не мнимой информационной войны, именуется «тоталитаристским». Однако, по-видимому, с точки зрения оратора, этот «консенсус» должен базироваться на пропагандируемых им и его сторонниками позициях. Напомним, кстати, что именно Ремчукову принадлежит следующее пафосное высказывание: «А я на классовую ненависть плевать хотел!» [Неделя. RenTV. 17.02.2007]. Вероятно, его интересовало совсем другое, а именно — пределы безнаказанности «альтернативных» СМИ (в первую очередь, конечно, — его газеты). Остальной же словесный поток был призван сыграть лишь роль некоего «упаковочного материала» [Щерба 1957: 32].

4. Наконец, очень интересен во многих отношениях ответ В. Путина на вопрос Е. А. Щербонос, отобранный им самолично: <...> Что для Вас есть русский человек, русский народ? <...> Его плюсы и минусы, сильные и слабые стороны? Ответ: <...> Если люди пользуются одним языком, живут в рамках единого государства, проживают на одной территории, у них общие культурные ценности, у них общая история <...>, они живут в рамках какой-то территории с определенным климатом, — но не может не быть каких-то общих черт <...>. Наш генный код <...> почти наверняка является одним из наших главных конкурентных преимуществ в сегодняшнем мире. Он очень гибкий, он очень устойчивый. Мы даже этого не чувствуем, но это наверняка есть. Что же все-таки в основе наших особенностей? <...> В их основе, на мой взгляд, лежат ценностные ориентиры <...>. Русский человек <...> прежде всего думает о том, что есть какое-то высшее моральное предназначение самого человека, какое-то высшее моральное начало <...>. Русский человек <...> развернут вовне <...>. В этом и есть глубокие корни нашего патриотизма <...>. Отсюда и массовый героизм во время военных конфликтов <...>, и даже самопожертвование в мирное время. Отсюда чувство локтя, наши семейные ценности. Конечно, мы менее pragmatичны, менее расчетливы, чем

представители других народов, но зато мы пошире душой <...>. Мы пощедрее душой <...>. Нам, безусловно, есть что взять у других народов ценного и полезного, но мы всегда, сотнями лет опирались на свои ценности, она нас никогда не подводили, и они нам еще пригодятся.

Отметим, во-первых, что в начале своего ответа В. Путин, по существу, дает несколько видоизмененное традиционное определение нации. Ср.: «**нация** — исторически сложившаяся устойчивая общность людей, характеризуемая общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада (проявляющегося в общности культуры)» [БАС 1958, 7: 646] (см. также: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию <...>. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычая, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [Пушкин 1978, VII: 28—29]). Во-вторых, предпринимается попытка краткой, но емкой характеристики русского менталитета, особых ценностных ориентиров (заметим, кстати, что различие между русской душевностью и западным рационализмом предельно наглядно обнаруживается при сопоставлении русской и английской пословиц: «С глаз долой — из сердца вон» — и «Out of sight — out of mind»). Причем упомянутые ценностные ориентиры вовсе не сводятся к каким-то религиозным (об этом, как ни странно для сегодняшней риторики, здесь вообще не говорится) — это, скорее, возвание к некоему высшему нравственному императиву. Справедливо, что из обращенности русского человека «вовне» выводятся такие этические константы, как товарищество («чувство локтя»), семейные ценности и, конечно, щедрость русской души. В-третьих, при признании того, что нам есть что позаимствовать полезного у других народов, подчеркивается всё-таки непреходящая моральная значимость «своего», которая, по мнению президента, останется высокой и в обозримом будущем. Несомненно, В. Путин совершенно преднамеренно поставил в финальную часть «прямой линии» именно этот вопрос («совсем философский»), поскольку ответ на него явился достойным завершением данного рече-коммуникативного акта, некоей вполне логичной и к тому же безусловно резонансной кодой.

Некоторые вводы.

1. Можно отметить чрезвычайную активность, даже напористость («нахрап», по их собственному выражению) представителей так называемой «внесистемной оппозиции», позиционирующими себя в статусе страстиотерпцев и великомучеников: известно, что в российской традиции издавна укрепилось благостное отношение к любым пострадавшим от власти и по любому поводу как к невинным жертвам. Так, в XIX в. в Сибири ссыльно-каторжных именовали «несчастными». Понятно, что эти оппозиционеры стремятся к созданию для себя подобного имиджа и к повышению своего рейтинга в российском обществе, несмотря на явно мифический характер «гонений» на них.

2. Однако В. Путин, по существу, указывает такой оппозиции, что ее приверженцы находятся в абсолютном меньшинстве, а это немаловажно даже и для российской демократии: «небольшая

группа революционеров, и они бесконечно далеки от народа, как говорили классики» (квазицитата, прототекст которой: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа» [Ленин 1976: 105]), и неоднократно и терпеливо объясняет, что, несмотря на определенный учет мнения меньшинства, при принятии решений он несомненно будет руководствоваться именно мнением большинства.

3. Граница между «своим» и «чужим» проведена совершенно отчетливо, и В. Путин дает понять аудитории, что сам он является безусловным сторонником «своего» и настойчиво рекомендует придерживаться традиционных отечественных ценностей и ориентиров не только сегодня, но и в отдаленной исторической перспективе.

4. Небезынтересна социальная дифференциация, содержащаяся в ответе на предложение: „Если Вы публично, как в Китае, расстреляете хотя бы 350 крупных воров, тогда весь народ будет с Вами“. — <...> Я специально его (вопрос) <...> прочитал, чтобы чиновники разных уровней видели настроение народа. Таким образом, во-первых, признается широкая коррумпированность бюрократии как правящего класса; во-вторых, чиновничество ограничивается от основной массы населения, именуемой «народом», и противопоставляется ему.

5. Президент показывает себя опытным и умелым полемистом. Правда, в его ответах встречаются и некоторые неточности. Например: „Железный занавес“ — это советское изобретение, это внутреннее событие, мы свою страну и свой народ, свое общество ни от кого закрывать не собираемся — однако ср.: «<...> Широкую известность выражение приобрело после Фултонской речи Черчилля 5 марта 1946 года, которую нередко считают началом „холодной войны“: „От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес“» [Душенко 2006: 520—521]. Впрочем, такие оплошности можно отнести и на счет недостаточной эрудированности референтов, участвовавших в подготовке ответов.

6. Очевидно, что жанр «прямой линии» будет и впоследствии использоваться в сфере политической риторики, поскольку пропагандистски эффективно может быть полезным власти в умно-

жении количества «своих» и способствовать сокращению численности «чужих».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М., 1986. С. 250—296.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974.
3. Бринёв К. И. Манипулятивное функционирование языка в юрислингвистическом и собственно лингвистическом аспектах // Юрислингвистика-6: инвективное и манипулятивное функционирование языка. — Барнаул : АлтГУ, 2005. С. 156—157.
4. Васильев А. Д. Манипулятивная эвфемизация как атрибут дискурса СМИ // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. 2010. № 1. С. 150—161.
5. Васильев А. Д. Игры в слова: манипулятивные операции в текстах СМИ. — СПб. : Златоуст, 2013.
6. Голов Н. Д. Самоопределение юридической лингвистики в России // Юрислингвистика-8: русский язык и современное российское право. — Кемерово ; Барнаул : АлтГУ, 2007. С. 7—13.
7. Горбаневский М. В. В начале было слово... — М. : УДН, 1991.
8. Душенко К. В. Словарь современных цитат. 4-е изд. — М. : Эксмо, 2006.
9. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М., 2002.
10. Комлев Н. Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. — М., 2003.
11. Кощей Л. А., Чувакин А. А. Homo Loquens как исходная реальность и объект филологии: к постановке проблемы // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. — Барнаул : АлтГУ, 2006. С. 136—153.
12. Ленин В. И. Памяти Герцена // Сборник произведений / В. И. Ленин. — М., 1976. С. 101—106.
13. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. — М., 1996.
14. Макьявелли Н. Государь // Жизнь Никколо Макьявелли. — СПб., 1993. С. 246—316.
15. Осипов Б. И. Речевая манипуляция и речевое мошенничество: сходство и различие// Юрислингвистика-8: русский язык и современное российское право. — Кемерово ; Барнаул, 2007. С. 216—221.
16. Прямая линия с Владимиром Путиным // Президент России : офиц. сайт. 2014. 17 апр. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20796>.
17. Пушкин А. С. О народности в литературе // Полн. собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. — Л., 1978. Т. 7. С. 28—29.
18. Словарь современного русского литературного языка = БАС : в 17 т. — М. ; Л., 1948—1965.
19. Чудинов А. П. Понятийно-терминологический аппарат политической лингвистики // Политическая коммуникация. — Екатеринбург, 2014. С. 269—270.
20. Щерба Л. В. Опыт лингвистического толкования стихотворений // Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. — М., 1957. С. 26—44.

A. D. Vasilyev
Krasnoyarsk, Russia

FRIENDS AND ENEMIES IN THE CONTEXT OF PROGRAM «DIRECT LINE WITH VLADIMIR PUTIN» (2014)

ABSTRACT. The introduction of new and actual sources in the scientific and linguistic turnover is invariably important as it enhances understanding of the possibilities of the use of language resources. These sources include texts recently published on Russian television in the genre of "direct line", and above all — the public dialogues with the President of the Russian Federation designed in this way.

The source material for this article is the text of the program "Direct line with Vladimir Putin" dated 04.17.2014. Special attention is paid to its fragments, in which a part of micro dialogs between program participants and the head of the state verbalized universal semiotic opposition "friend"/"enemy", originally capable of variable realization in the verbal forms.

For the analysis the authors chose the episodes containing speech communicative act that include elements of polemics with the President from the representatives of the Russian so-called "non-systemic opposition", those who oppose to the politics of the state almost in all the spheres, and seek for non-parliamentary way to approve of their own values as mandatory for the whole of the society. I. Khakamada, I. Prokhorova, and K. Remchukov are performing these roles.

Despite the differences in verbal expressions of their positions, called polycomponent, they are quite unanimous in one main thing, namely in confrontation intentions of their statements. To summarize, they are invectives against the existing government. They put forward charges of the information war against the "intelligent" opponents of the state; of the fictional persecution of persons involved in the contemporary culture, and against the contemporary culture itself; of the persecution of the media, whose opinions don't please the authorities.

In turn, Vladimir Putin appears before the audience, judging by his answers, as a skilled polemicist, he takes into account the differentiation of the society into "friends" and "enemies", but expresses his own judgment strictly reasoned and reservedly.

Special attention deserves the response to the last question to the president, which was chosen by the president himself. It contains the ideas of the head of the state on the Russian national mentality and identifies some of its specific features.

The analysis of this material allows to make conclusions about the high manipulative potential of such texts, as well as the enduring relevance of the opposition ‘friend’/‘enemy’.

KEYWORDS: political linguistics; the media; opposition ‘friend’/‘enemy’.

ABOUT THE AUTHOR: Vasilyev Aleksander Dmitriyevich, Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Problema checheykh zhanrov // Estetika slovesnogo tvorchestva / M. M. Bakhtin. — M., 1986. S. 250—296.
2. Benvenist E. Obshchaya lingvistika. — M., 1974.
3. Brinev K. I. Manipulyativnoe funktsionirovanie yazyka v yurislingvisticheskem i sobstvenno lingvisticheskem aspektakh // Yurislingvistika-6: inaktivnoe i manipulyativnoe funktsionirovanie yazyka. — Barnaul : AltGU, 2005. S. 156—157.
4. Vasil'ev A. D. Manipulyativnaya evfemizatsiya kak atribut diskursa SMI // Vestn. Krasnoyarsk. gos. ped. un-ta im. V. P. Astaf'eva. 2010. № 1. S. 150—161.
5. Vasil'ev A. D. Igry v slova: manipulyativnye operatsii v tekstakh SMI. — SPb. : Zlatoust, 2013.
6. Golev N. D. Samoopredelenie yuridicheskoy lingvistiki v Rossii // Yurislingvistika-8: russkiy yazyk i sovremennoe rossiyskoe pravo. — Kemerovo ; Barnaul : AltGU, 2007. S. 7—13.
7. Gorbanevskiy M. V. V nachale bylo slovo... — M. : UDN, 1991.
8. Dushenko K. V. Slovar' sovremennykh tsitat. 4-e izd. — M. : Eksmo, 2006.
9. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem. — M., 2002.
10. Komlev N. G. Slovo v rechi. Denotativnye aspekty. — M., 2003.
11. Koshchey L. A., Chuvakin A. A. Homo Loquens kak iskhodnaya real'nost' i ob"ekt filologii: k postanovke problemy //
- Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty. — Barnaul : AltGU, 2006. S. 136—153.
12. Lenin V. I. Pamyati Gertsena // Sbornik proizvedeniy / V. I. Lenin. — M., 1976. S. 101—106.
13. Lotman Yu. M. Vnutri mysllyashchikh mirov. — M., 1996.
14. Mak'yavelli N. Gosudar' // Zhizn' Nikollo Mak'yavelli. — SPb., 1993. S. 246—316.
15. Osipov B. I. Rechevaya manipulyatsiya i checheyoe moshennichestvo: skhodstvo i razlichie// Yurislingvistika-8: russkiy yazyk i sovremennoe rossiyskoe pravo. — Kemerovo ; Barnaul, 2007. S. 216—221.
16. Pryamaya liniya s Vladimirom Putinem // Prezident Rossii : ofits. sayt. 2014. 17 apr. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20796>.
17. Pushkin A. S. O narodnosti v literature // Poln. sobr. soch. : v 10 t. / A. S. Pushkin. — L., 1978. T. 7. S. 28—29.
18. Slovar' sovremennoego russkogo literaturnogo yazyka = BAS : v 17 t. — M. ; L., 1948—1965.
19. Chudinov A. P. Ponyatiyno-terminologicheskiy apparat politicheskoy lingvistiki // Politicheskaya kommunikatsiya. — Ekaterinburg, 2014. S. 269—270.
20. Shcherba L. V. Opyt lingvisticheskogo tolkovaniya stikhhotvoreniy // Izbrannye raboty po russkomu yazyku / L. V. Shcherba. — M., 1957. S. 26—44.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.